

УДК 811.1/8

<https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

А. А. Штеба

Проблема «неточных слов» (на примере смешанных эмоций)

Для цитирования: Штеба А. А. Проблема «неточных слов» (на примере смешанных эмоций) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 100–106. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-100-106

В статье на примере языковой категоризации смешанных эмоций, под которыми предлагается понимать такое средство выражения эмоций, в котором в одно целое объединяются две и более номинации эмоциональных переживаний, рассматривается проблема «неточных слов». Данный термин К. А. Долинина соотносится с семантическими явлениями десемантизации и девербализации, одновременно представляющими собой упрощение и усложнение кодифицированной языковой системы, «расшатывание» конвенционального смыслового содержания слов, привнесение в семантику дополнительных смысловых компонентов. Постулируется тезис о том, что эмоционально-смысловая составляющая любого слова безгранична, что обуславливает постоянное семантическое развитие слова в зависимости от коммуникативной ситуации, целей коммуникации, коммуникативной интенции говорящего и пр. Принципиальная невыразимость эмоциональных переживаний представляет собой потенцию развития системы. Суммативное в своей основе понятие смешанной эмоции, в котором сумма больше его частей, являет собой выраженную невыразимость, когда при линейно построенном перечислении компонентов смешанной эмоции ее эмоционально-смысловая составляющая остается неопределенной, поскольку в языке отсутствуют средства конвенционального выражения данного типа эмоций. Проводится межпарадигмальная связь смешанных эмоций с алекситимией – невозможностью или затрудненностью вербальной экспликации эмоциональных переживаний, что аргументируется наблюдениями за художественным отображением особенностей поведения лиц, страдающих алекситимией. На языковом уровне данное явление объясняется тем, что говорящий не находит в языковой системе категоризации эмоций соответствующих его эмоциональному состоянию средств для выражения эмоций и, как следствие, прибегает к созданию новых дескрипций своих эмоциональных переживаний.

Ключевые слова: смешанные эмоции; эмотивность; алекситимия; девербализация; десемантизация; суммативность; языковая категоризация эмоций; коммуникативная ситуация.

А. А. Shteba

The problem of «inaccurate words» (on the example of mixed emotions)

The article deals with the problem of «inaccurate words» using the example of the language categorization of mixed emotions, which is understood as a means of expressing emotions, in which two or more categories of emotional experiences are combined into a single whole. This term proposed by K. A. Dolinin correlates with the semantic phenomena of desemantization and deverbalization, which simultaneously represent the simplification and complication of the codified language system, the «loosening» of conventional semantic content of words, and the introduction of additional semantic components into semantics. The article postulates that the emotional and semantic component of any word is limitless, which determines the constant semantic development of the word depending on the communicative situation, the goals of communication, the communicative intention of the speaker, etc. The fundamental inexpressibility of emotional experiences represents the potency of the system development. The summative concept of a mixed emotion, in which the sum is greater than its parts, is a pronounced inexpressibility, when, with a linearly constructed enumeration of the components of a mixed emotion, its emotional and semantic component remains undefined, since there are no means of conventional expression of this type of emotion in the language. The author establishes an interparadigmatic connection of mixed emotions with alexithymia, i.e. the impossibility or difficulty of verbal explication of emotional experiences, which is supported by observations of the artistic representation of alexithymic persons' specific behavior. At the linguistic level, this phenomenon is explained by the fact that the speaker does not find the appropriate means to express their emotions in the linguistic system of emotion categorization and, as a result, resorts to creating new descriptions of his emotional experiences.

Key words: mixed emotions; emotivity; alexithymia; deverbalisation; desemantisation; summativity; language categorization of emotions; communicative situation.

И снова случилось самое простое и самое недостижимое на свете – два человека разговаривали друг с другом, но каждый говорил для самого себя: звуки, именуемые словами, вызывали у каждого одинаковые образы и чувства, и из случайных колебаний голосовых связок, порождающих необъяснимые ответные реакции, из глубины серых мозговых извилин внезапно вновь возникало небо жизни, в котором отражались облака, ручьи, прошлое, цветение, увядание и зрелый опыт
Э. М. Ремарк

Введение

Отражение действительности языковыми средствами является приблизительным, аппроксимативным. Реальность принципиально недостижима для человека по причине того, что вещи есть чистые денотаты, которые существуют в семиотическом вакууме. Соответственно вещи принадлежат регистру Реального, из-за чего они невозможны. Единственная реальность, которая доступна человеку – компульсивно-обсессивная, повторяющаяся, гипертекстовая вымышленная реальность слов, поскольку вещи недоступны человеку, в его распоряжении находятся только слова, благодаря которым он думает о словах [Руднев, 2020, с. 155]. Соответственно любая мысль о вещи вторична, когда с применением механизма аппроксимации говорящий создает текстовую проекцию, которая преобразовывает ментальные представления о «многомерной жизни» в «многомерную плоскость текста» [Ионова, 2006, с. 7]. В процессе языковой категоризации эмоций создание данной текстовой проекции усложняется дополнительно тем, что говорящему нужно попытаться выразить не столько объективный (принципиально недостижимый по причине условности языка), сколько субъективный мир. Языковая система, в свою очередь, реагирует на данную невозможность тем, что постоянно варьирует уже имеющиеся (на уровне формы и содержания), а также предлагает свободные потенции для создания новых способов экспликации эмоций для приближения к недостижимой эмоциональной реальности.

Особенности девербализации и десемантизации

Процесс переосмысления и трансформации эмоционально-смысловой составляющей слова можно описать через девербализацию. Девербализация является одной из примет современной человеческой коммуникации, при которой слова заменяются языком тела и акциональными знаками [Шаховский, 2020, с. 221]. Процессы деверба-

лизации являются внешним проявлением десемантизации, происходящей от неудовлетворенности возможностями языка и/или запрета на использование данных возможностей. Десемантизация представляет собой «процесс семантического опустошения слова» [Мандрикова, 2015, с. 69-73], это полная или частичная утрата одного или нескольких компонентов лексического значения [Кокошкина, 2011, с. 145]. При полной десемантизации дифференциальные семы утрачиваются, архисема заменяется на более абстрактную, а при частичной – происходит потеря одной или всех дифференциальных сем с сохранением потенциальной семы [Панкина, 2012, с. 84].

Десемантизированные слова при этом (как результат) принято отличать от слов с размытой семантикой, когда последние суть слова, не достигшие предела семантического развития, у них отсутствует иерархия, значения относятся к одному микрополю, слова приобретают безграничное число значений внутри контекста посредством наведения в семантику потенциальных адгерентных сем. Неопределенный интенционал, конкретизируемый импликационалом, является основной семантической диффузией, на которой основа десемантизации.

Разнообразные новые значения слова, приобретаемые в результате действия на смысловое содержание процесса десемантизации, исследователи относят к подзначениям, употреблением, оттенкам [Жуков, 2003, с. 107]. Однако важно, что семантическая диффузия представляется существенной характеристикой семантики любого слова, когда при условии отсутствия контекста каждая лексическая единица характеризуется неполнотой, недосказанностью, неопределенностью [Жуков, 2003, с. 110]. Среди причин диффузии семантики слов рассматривают как технический прогресс, в целом, порождающий новые явления, предметы, лишённые определенного названия, например, *paraphernalia*, *memorabilia*, *flotsam*, *jetsam* [Желонкина, 2013, с. 112], так и генерализованную семантику слов, зависимость значения слов от контекста, отсутствие четкой предметной соотнесенности и определенного представления о том, что обозначает данное слово [Ulmann, 1962, p. 118]. И. В. Кокошкина отмечает, что помимо контекста катализаторами десемантизации являются устная коммуникация, уровень речевой культуры говорящего, его эмоциональное состояние, дополнительные особенности протекания коммуникативного акта [Кокошкина, 2011, с. 143].

Проблема алекситимии и homo-kombini

На уровне эмоциональных переживаний также следует говорить о потере и/или преобразовании способов описания эмоций через деэмотивизацию, под которой можно понимать отказ от привычных способов языковой категоризации эмоций и создание новых, неконвенциональных обозначений для мира эмоциональных переживаний. Подобное развитие и, бесспорно, усложнение подсистемы языковой категоризации эмоций является следствием деструктивного внешнего воздействия на нее говорящим.

Интересно, что в психологии подобное состояние деэмоциональности изучается наряду с афазийными (алалия, алексия, аграфия и пр.) расстройствами личности. Алекситимия представляет собой сниженную способность или затрудненность в вербализации эмоциональных состояний, когда к характеристикам алекситимичной личности относят трудность вербального выражения эмоциональных переживаний, неспособность или затрудненность дифференциации эмоциональных переживаний от телесных ощущений, объективность и предметность категоризации в том числе внутреннего мира, отсюда следует бедность воображения или фикциональная упрощенность [Никитин, 2006, с. 75]. В своей статье О. В. Петрова обращает внимание на то, что из сознания студентов в настоящее время пропадает «индивидуальная физиономия» понятий, когда окружающий мир категоризируется, напротив, с использованием абстрактных обозначений, что сопровождается пренебрежением значениями слов, нарушениями лексической сочетаемости, абсурдизации речи [Петрова, 2007, с. 100].

Согласно Торонтской шкале алекситимии Дж. Тэйлора (1985 г.) [Прив. по: Понять себя..., 2007, с. 9] при диагностировании алекситимии предлагается пройти опрос по принципу семантического шкалирования, включающий более 25 вопросов. В данных вопросах основное внимание фокусируется на фантазийности, фикциональности, проективности («Мечты – это потеря времени»; «Я редко мечтаю», «Я часто мечтаю о будущем», «Я провожу много времени в мечтах, когда не занят ничем другим», «Я часто даю волю воображению»), затрудненности контроля («Когда я плачу, я всегда знаю, почему»; «Я часто не знаю, почему я сержусь») и описания эмоциональных переживаний / состояний («Когда я плачу, я всегда знаю, почему»; «Я часто затрудняюсь определить, какие чувства я испытываю»; «Мне трудно находить правильные слова для моих

чувств»; «Я способен с легкостью описать свои чувства»; «У меня бывают чувства, которым я не могу дать вполне точное определение»; «Мне трудно описывать свои чувства по отношению к людям»; «Я не знаю, что происходит у меня внутри»; «Когда я расстроен, я не знаю, печален ли я, испуган или зол»).

Наряду с приведенными выше особенностями среди признаков алекситимичной личности выделяют повышенную тревожность, увеличенную частотность агрессивных способов реагирования, пониженную эмпатийность [Семке и др., 2009, с. 94]. В исследовании Д. С. Никулиной и Д. В. Аднодворцева показана зависимость трудоголизма от алекситимии, поскольку трудоголики испытывают трудности при выражении своих чувств и эмоций, что сопровождается тенденцией к сдерживанию и подавлению эмоциональных переживаний [Никулина и др., 2006, с. 273]. Исследователи отмечают, что люди, страдающие алекситимией, тяготеют к вещественной ориентации и опредмечиванию субъективной действительности, не испытывают удовольствия от повседневных занятий, обладают завышенным уровнем притязаний (вероятно, это может быть обусловлено собственно акцентом на предметном видении мира), становятся более категоричными и авторитарными.

Проблема алекситимии показана в романе С. Мурата «Человек-комбини» (2020). В данном романе описывается жизнь сотрудницы комбин – круглосуточного магазина шаговой доступности в Японии. Героиня романа с детства испытывает трудности выражения и адекватного происходящей ситуации переживания эмоций («Я чувствовала, что мой поступок, наверно, и правда был чем-то непростительным, но почему – для меня оставалось загадкой»; «Походе, я опять обложалась, но как именно – снова не понимала, хоть тресни»). В результате К. Фурукура (главная героиня романа) начинает симулировать «нормальное» поведение окружающих ее людей, вплоть до интонации и манеры речи, превращаясь в homo kombini (человека-комбини). Среди особенностей коммуникативного поведения данной личности в романе выделены такие характеристики, как симуляция, похожесть, отсутствие эмпатии («Наверно, своего племянника я всё же должна ценить куда больше. Но для меня что один, что другой одинаковы, как бродячие кошки <...> оба – всего лишь животные из породы “младенец”»), подавление актуальных эмоциональных переживаний («Хотя такое чувство, как

гнев, лично мне почти не знакомо») и демонстрация эмоций по подобию окружающих лиц («Да, я – безупречная деталь механизма этого мира»; «Придет утро и я опять стану hoto kombini -и превращусь в шестеренку этого мира. Одно лишь это делает меня „нормальным человеком”»). С целью уподобления «нормальному» человеку героиня романа начинает жить вместе с мужчиной для создания о себе образа соответствующей социальным представлениям женщины, увольняется с непрестижной работы в магазине, где она проработала 18 лет и куда изначально устроилась в качестве подработки. Однако данные изменения приводят к тому, что человек-комбини замыкается в себе, перестает контактировать с окружающим миром. Только возобновление работы в магазине возвращает ей радость жизни («Я всё поняла. Я не просто человеческое существо. Я – Человек-комбини. И даже если я ненормальна как человек, даже если мне придется сдохнуть от голода в канаве – от самой себя мне не убежать. Каждая клетка моего тела существует только ради комбини»).

В данном романе неспособность выражать и переживать эмоции, характерные «нормальному» человеку, приводит к попытке создания о себе образа среднестатистического человека, когда симулятивная деятельность вытесняет естественное восприятие и реагирование на окружающую действительность. Границы условной шкалы нормы смещаются, а отклонение становится индивидуальной нормой. В анализируемом романе точно показаны не только трудности языковой категоризации эмоций, но и естественная для любого эмоционального переживания неопределенная оценочная и смысловая составляющие, когда конвенциональные эмоции и средства их выражения не воспринимаются говорящим таковыми.

Фракционарность смешанных эмоций

Анализ примеров Национального корпуса русского языка показал, что частотно затрудненность вербализации эмоциональных переживаний сопровождается положительными (радость, благодарность), отрицательными (возмущение, изумление) эмоциями, а также состояние взволнованности, обеспокоенности, сконфуженности:

Он даже не мог подобрать слов, чтобы выразить своё возмущение (А. Т. Аверченко);

Целую Ваши ручки и Вас, а о благодарности моей за Ваше внимание и заботу просто не могу подобрать слов (Э. Герштейн);

Александра Федоровна в письмах бурно выра-

жала радость: «Мой самый единственный и любимый, я не могу найти слов, чтобы выразить все, что я хочу...» (А. Алексеев);

Я так растерялся, так разбит душой, что не могу найти слов (Л. Спиридонова).

Я понимаю, вы хотите извиниться за то, что тайком перелезли через забор, но от смущения не можете найти слов, – сказал он лукаво (В. Губарев).

Понимала, что я не могла успеть дочитать рукопись, понимала и то, что я растеряна и не могу найти слов (Н. И. Ильина).

К сущностным особенностям любой эмоции относят их неопределенность, амбивалентность, дискурсивность и флуктуативность оценочной составляющей в зависимости от, к примеру, контекста, условий коммуникации и пр. Язык, в свою очередь, отражает данную эмоционально-смысловую подвижность и множественность мотивов. Так, И. В. Несветайлова, к примеру, указывает, что ревность суть амбивалентная эмоция, где один объект вызывает противоположные эмоциональные переживания [Несветайлова, 2010, с. 296]. С. В. Рудакова пишет, что счастье представляется сложным эмоциональным переживанием, которое может объединяться с различными эмоциями (радость, грусть, восторг и пр.) [Рудакова, 2020, с. 143].

Особое внимание следует обратить на затрудненность описания смешанных эмоций, которые можно представить через понятие фракционного знака по Ш. Балли [Балли, 1955, с. 161-164], в случае которого одно означаемое распределено между несколькими псевдоозначающими, обладающими смыслом только в их совокупности:

Не могу подобрать слов, чтобы описать это ощущение – это смесь восторга, благоговения перед этой красотой, величием действия, в котором я принимаю участие (Ю. В. Усачев).

Здесь происходит, – я задыхался от горя и возмущения и не мог подобрать слов (Б. Левин).

Отличие фракционарности смешанных эмоций заключается в том, что при разделении семантического комплекса, к примеру, фразеологической единицы элементы последней обладают сравнительно большей степенью связности, но при этом обозначение любой смешанной эмоции следует рассматривать как суммативное, а не суммарное понятие, служащее средством обозначения нового эмоционального переживания (например, радость + грусть ≠ радость и грусть). Реакцией на переживание смешанных амбивалентных эмоциональных переживаний служит возникновение трудностей

при номинации эмоционального состояния. Говорящий осознает, что имеющиеся в его распоряжении конвенциональные средства дескрипции или номинации эмоций не соответствуют коммуникативной ситуации, спектру переживаемых им эмоций, что приводит к необходимости поиска адекватных средств кодирования эмоций. Отдельные номинации эмоциональных переживаний при этом девербализируются, чтобы объединиться в новое синергичное целое, аппроксимативно отвечающее коммуникативному намерению говорящего. Соответственно формально выраженное состояние алекситимии на содержательно-функциональном уровне представляет собой попытку упорядочить языковую категоризацию эмоций через ее расширение и обогащение при внесении новых способов экспликации.

По замечанию К. А. Долинина, неточные слова, предметно-логическое значение которых неопределенное и зависит от контекста, являются признаками эмоции. Данное явление цитируемый ученый объясняет тем, что языковые значения не всегда соответствуют личностным смыслам, а если речь идет об эмоциональной речи, то по принципу «воронки» подбор адекватного обозначения для аффективно окрашенного смысла затрудняется. Поскольку эмоциональное переживание, как правило, выступает в позиции ремы, языковое воплощение для данной аффективной реакции трудно вербализовать [Долинин, 1978, с. 258-260]. При этом аффективные смыслы нужно не сужать до междометий и бранных слов, а распространять до уровня принципиально любой лексической единицы, десемантизируемой относительно ее языкового значения и приобретающей неограниченные эмоционально-смысловые оттенки в зависимости от коммуникативной ситуации. Живая эмоция всегда субъективна и является исключительно достоянием отдельной личности [Долинин, 2017, с. 270], соответственно средства ее объективации также специфичны и единичны. Сказанное соответствует высказанному О. В. Голубевой положению о том, что по причине оперирования говорящим ограниченным набором языковых единиц с кодифицированным значением при выражении «неограниченного числа итогов деятельности» появляются смысловые сдвиги, которые в том числе могут вызывать трудности декодирования у адресата [Голубева, 2020, с. 20]. Согласно подходу Г. Гийома к речевой деятельности последняя может быть рассмотрена в виде речи и языка. В первом случае речевая деятельность суть дискретное явление, которое вмещает дискретные

представления. В виде языка речевая деятельность представляет собой потенцию или постоянно существующую (недискретную) возможность [Гийом, 1992, с. 129]. В рамках обсуждения проблемы возможности словесного (не)выражения Г. Гийом указывает на необходимость отдельного рассмотрения: а) преобразования невозможного выразить словами (*indicible*) в возможное (*dicible*); б) преобразования возможного выразить словами в речь (*le dire*); в) преобразования речи в высказывание (*dit terminal*) [Гийом, 1992, с. 138].

Заключение

Каждое слово есть одновременно потенция и ее реализация, сочетание множества возможностей и неограниченного количества результатов актуализации. При этом поиск формы реализации данной потенции может быть как конечным (собственно удовлетворяющий говорящего выбор плана выражения), так и условно конечным (являющийся собой дискретную поисковую форму приблизительного обозначения). При попытке поиска говорящим вербализации не имеющих определенного способа выражения в языке смешанных эмоций (например, радость и грусть, любовь и ненависть, отчаяние и восторг) происходит преобразование высказывания в невыразимое.

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Перевод с третьего франц. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. Москва : Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл., коммент. Л. М. Скрелиной. Москва : «Прогресс», 1992. 224 с.
3. Голубева О. В. «Пятьдесят оттенков» смысловой неопределенности // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2020. № 4. С. 17–23.
4. Долинин К. А. Интерпретация текста: французский язык. Москва : КомКнига, 2017. 302 с.
5. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Ленинград : «Просвещение», 1978. 344 с.
6. Желонкина Т. П. Существительные с «размытым» значением в современной английской лексике // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36). С. 111–115.
7. Жуков А. В. Семантика неопределенности (о словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) / А. В. Жуков, К. А. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2003. № 25. С. 106–111.
8. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: монография. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2006. 380 с.

9. Кокошкина И. В. Лексическая десемантизация как явление принципиально разное в устном дискурсе // Филология и человек. 2011. № 1. С. 140–146.

10. Мандрикова Г. М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2015. № 2. С. 68–73.

11. Несветайлова И. В. Образно-метафорическая составляющая концептов зависть и ревность в английской и русской лингвокультурах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 1. С. 290–299.

12. Никитин Е. А. Соотношение агрессивности, алекситимии и типа поведения у военнослужащих / Е. А. Никитин, С. М. Шкленник, В. С. Цой // Вестник психотерапии. 2006. № 17 (22). С. 73–78.

13. Никулина Д. С. Изучение проявления феномена алекситимии у субъектов с разной степенью выраженности трудоголизма / Д. С. Никулина, Д. В. Аднодворцев // Известия ТРТУ. 2006. № 14 (69). С. 271–275.

14. Панкина М. Ф. Десемантизация как процесс развития значения слова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 83–85.

15. Петрова О. В. Неточные слова или размытость понятий? // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2007. № 5. С. 98–106.

16. Понять себя: тест на алекситимию // Астма и аллергия. 2007. № 1. С. 8–9.

17. Рудакова С. В. Счастье как эмоциональное переживание (на материале лирики Е. А. Баратынского) // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы международной конференции, Москва, 2020. С. 141–146.

18. Руднев В. П. Нарративный диссонанс: язык против реальности. Москва : Академический проект, 2020. 165 с.

19. Семке В. Я. Психологическая модель алекситимии в ракурсе факторного анализа / В. Я. Семке, Е. Ю. Брель, И. Я. Стоянова // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. № 1 (52). С. 93–95.

20. Шаховский В. И. Экология языка и человека в меняющемся социуме // Нефилология. 2020. № 22. С. 217–225.

21. Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford : Blackwell, 1962. 278 p.

Reference list

1. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and the french language issues / perevod s tret'ego franc. izd. E. V. i T. V. Ventcel'. Moskva : Izdatel'stvo inostrannoju literatury, 1955. 416 s.

2. Gijom G. Principy teoreticheskoj lingvistiki = Principles of theoretical linguistics / obshh. red., poslesl., komment. L. M. Skrelinoj. Moskva : «Progress», 1992. 224 s.

3. Golubeva O. V. «P'jat'desjat ottenkov» smyslovoj neopredelennosti = «Fifty shades» of semantic ambiguity // Vestnik TvGU. Serija «Filologija». 2020. № 4. S. 17–23.

4. Dolinin K. A. Interpretacija teksta: francuzskij jazyk = Text interpretation: the french language. Moskva : KomKniga, 2017. 302 s.

5. Dolinin K. A. Stilistika francuzskogo jazyka = Stylistics of the french language. Leningrad : «Prosveshhenie», 1978. 344 s.

6. Zhelonkina T. P. Sushhestvitel'nye s «razmytym» znacheniem v sovremennoj anglijskom jazyke = Nouns with « vague» meaning in modern English // Gumanitarnyj vektor. 2013. № 4 (36). S. 111–115.

7. Zhukov A. V. Semantika neopredelennosti (o slovah i frazeologizmah s razmytym i shirokim znacheniem) = Semantics of ambiguity (about words and phraseological units with vague and broad meanings) / A. V. Zhukov, K. A. Zhukov // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo. 2003. № 25. S. 106–111.

8. Ionova S. V. Approksimacija sodержanija vtorichnyh tekstov = Approximation of the secondary text content : monografija. Volgograd : Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. 380 s.

9. Kokoshkina I. V. Leksicheskaja desemantizacija kak javlenie principial'no raznoe v ustnom diskurse = Lexical de-semantization as a fundamentally different phenomenon in oral discourse // Filologija i chelovek. 2011. № 1. S. 140–146.

10. Mandrikova G. M. Slovo v processe desemantizacii = The word in the desemantization process // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: istorija, filologija. 2015. № 2. S. 68–73.

11. Nesvetajlova I. V. Образно-метафорическая составляющая концептов зависть и ревность в английской и русской лингвокультурах = Figurative and metaphorical component of the concepts «envy» and «jealousy» in English and Russian linguistic cultures // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2010. Т. 1. № 1. С. 290–299.

12. Никитин Е. А. Sootnoshenie agressivnosti, aлекситимии i tipa povedenija u voennosluzhashchih = Correlation between aggression, alexithymia, and military behavior type / E. A. Nikitin, S. M. Shklennik, V. S. Coj // Vestnik psihoterapii. 2006. № 17 (22). S. 73–78.

13. Nikulina D. S. Izuchenie projavlenija fenomena aлекситимии u subjektov s raznoj stepen'ju vyrashennosti trudogolizma = Studying the phenomenon of alexithymia in people with different degrees of workaholism / D. S. Nikulina, D. V. Adnodvorcev // Izvestija TRTU. 2006. № 14 (69). S. 271–275.

14. Pankina M. F. Desemantizacija kak process razvitija znachenija slova = Desemantization as a process of word meaning development // Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2012. № 1. S. 83–85.

15. Petrova O. V. Netochnye slova ili razmytost' ponjatij? = Inaccurate words or vague concepts? // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izuchenija rechevoj dejatel'nosti. 2007. № 5. S. 98–106.

16. Ponjat' sebja: test na aleksitimiju = Understand yourself: the alexithymia test // Astma i allergija. 2007. № 1. S. 8–9.

17. Rudakova S. V. Schast'e kak jemocional'noe pe-rezhivanie (na materiale liriki E.A. Baratynskogo) = Happiness as an emotional experience (in E.A. Baratynsky's lyrics) // Jemocional'naja sfera cheloveka v jazyke i kommunikacii: sinhronija i diahronija: materialy mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 2020. S. 141–146.

18. Rudnev V. P. Narrativnyj dissonans: jazyk protiv real'nosti = Narrative dissonance: language versus reality. Moskva : Akademicheskij proekt, 2020. 165 s.

19. Semke V. Ja. Psihologicheskaja model' aleksitimii v rakurse faktornogo analiza = Psychological model of alexithymia in the context of factor analysis / V. Ja. Semke, E. Ju. Brel', I. Ja. Stojanova // Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii. 2009. № 1 (52). S. 93–95.

20. Shahovskij V. I. Jekologija jazyka i cheloveka v menjajushhemsja sociume = Ecology of language and man in changing society // Neofilologija. 2020. № 22. S. 217–225.

21. Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. Oxford : Blackwell, 1962. 278 p.